

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-23-31

УДК 821.161.1

**А.И. Октябрьская-Кисничан**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,  
119991 г. Москва, Российская Федерация

## Нравственность как фактор национальной идентичности в рассказе М.Б. Чистякова «Русская душа»

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме исследования нравственности как духовной основы жизни русского человека, вынужденного взяться за оружие и защищать Родину во время Крымской войны 1853–1856 гг., а также самоотверженно работать в тылу, выхаживая раненых, рискуя здоровьем и даже жизнью (на примере солдатского рассказа М.Б. Чистякова «Русская душа»). Основное внимание в статье сосредоточено на анализе образной системы практически неизученного произведения, его мотивной структуры, проявлении авторской позиции, выраженной в актуализации жанра просветительского рассказа-узнавания, синтезированного с поучением о героях-праведниках и высокой репутации русского народа. Антитеза, лежащая в основе повествования, позволила последовательно сопоставить природу русского человека, делающего все основательно и добротнo, с верой в Бога и с любовью к Родине, и француза, легкомысленно уповающего на случай и горделиво и снисходительно противостоящего русскому человеку. Особое место в статье уделено проблеме нравственных исканий человека в процессе испытаний войной, голодом, пленом, болезнями, согласующихся с главенствующей идеей Божьего промысла. В ходе анализа актуализирован мотив воли русского человека, стремящегося защитить и отстоять даже в максимально трудных условиях свою Родину, святыни, а также обустроить земное бытие, сопрягая это с социальной природой главного героя. В статье исследована авторская мысль о благочестивости простого русского человека, его альтруистичности и целомудренности, что во многом антитетично природе зуава. Выявленная жанровая доминанта – солдатский рассказ – скоординирована с просветительской писательской концепцией и с поучением о высокой репутации русского народа и одновременно праведности отдельного его представителя. В ходе герменевтического анализа установлено, что противостояние этносов в период военных действий во многом обусловлено менталитетом каждого, а примирение и окончание войны обеспечивается доминантой универсальных нравственных ценностей, характерных для человека и России, и Запада.

**Ключевые слова:** М.Б. Чистяков, художественная историческая проза, тема обороны Севастополя в русской литературе, аксиологический аспект художественного произведения, духовные искания героев рассказа, просветительский рассказ, подростковый рассказ, солдатский рассказ

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Октябрьская-Кисничан А.И. Нравственность как фактор национальной идентичности в рассказе М.Б. Чистякова «Русская душа» // Литература в школе. 2024. № 6. С. 23–31. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-23-31

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-23-31

**A.I. Oktyabrskaya-Kisnichan**

Lomonosov Moscow State University,  
Moscow, 119991, Russian Federation

## Morality as a factor of national identity in M. Chistyakov's short story “The Russian Soul”

**Abstract.** Using the example of a soldier's story by M.B. Chistyakov “Russian Soul”, this article studies morality as a spiritual basis of life of a Russian person who is forced to take up arms and defend the Motherland during the Crimean War of 1853–1856, as well as selflessly work in the rear, nursing the wounded, risking health and even life. The main attention in the article is focused on the analysis of the figurative system of a practically unstudied work, its motive structure, the manifestation of the author's position, expressed in the actualization of the genre of an educational story-recognition, synthesized with a lesson about righteous heroes and the high reputation of the Russian people. The antithesis underlying the narrative allowed us to consistently compare the nature of a Russian person who does everything thoroughly and soundly, with faith in God and love for the Motherland, and a Frenchman who frivolously relies on chance and proudly and condescendingly opposes the Russian person. The article pays special attention to the problem of moral search of a person in the process of trials of war, hunger, captivity, and diseases, consistent with the dominant idea of God's providence. In the course of the analysis, the motif of the will of a Russian person, striving to protect and defend even in the most difficult conditions his homeland, shrines, and also to arrange earthly existence, combining this with the social nature of the protagonist, is actualized. The article examines the author's idea of the piety of a simple Russian person, his altruism and chastity, which is in many ways antithetical to the nature of the zouave. The identified genre dominant – a soldier's story – is coordinated with the writer's educational concept and with the lesson about the high reputation of the Russian people and

the righteousness of its individual representative at the same time. During the hermeneutic analysis it was established that the confrontation of ethnic groups during military actions is largely determined by the mentality of each, and reconciliation and the end of the war are ensured by the dominance of universal moral values characteristic of people in both Russia and the West.

**Key words:** M.B. Chistyakov, historical fiction prose, theme of defense of Sevastopol in Russian literature, the axiological aspect of a literary work, spiritual quest of the story heroes, an educational story, a teenage story, a soldier's story

CITATION: Oktyabrskaya-Kisnichan A.I. Morality as a factor of national identity in M. Chistyakov's short story "The Russian Soul". *Literature at School*. 2024. No. 6. Pp. 23–31. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-23-31

Актуализация исторической тематики в художественных произведениях объясняется ее целеполаганием. Изображение исторического события направлено на познавательные и общественные приоритеты личности, в итоге – на осмысление национальной идентичности. Причем это касается как писателей, лидирующих в литературном процессе метрополии и эмиграции, так и тех, кого относят ко второму или третьему ряду. Не меньшую роль художественная историческая проза играет в популяризации научных концепций, вокруг которых разворачивается полемика или которые получают принципиальное значение в современных международных отношениях, в частности в геополитических спорах. Кроме того, обращение к дальней или ближней истории сопровождается осмыслением нравственных констант личности.

Проблема нравственных исканий в русской классической литературе стала предметом научного осмысления во второй половине XX в. Так, к этому вопросу обращался еще в 1970-е гг. А.П. Скафтымов [9]. М.М. Бахтин рассуждал о природе и оценке поступка человека как про-

явления его ценностных ориентиров через призму нравственных установок героя [1]. Современные ученые выявляют феноменологию концептов «нравственность» и «духовность» [10], а также размышляют об отражении духовно-нравственных ценностей, не только формирующихся в нашей социокультурной среде, но и наследующих лучшие традиции прошлого, на примере как классической русской, так и отечественной современной литературы [6]. Сказанное выше объясняет актуальность литературоведческих работ, посвященных духовно-нравственным аспектам в произведениях современной и исторической тематики.

Справедливо отметил А.П. Люсый: «Культура в пространстве и во времени мыслит "текстами"» [7, с. 161]. Аксиологична и его следующая мысль: «...каждый региональный текст представляет собой не какую-то сугубо региональную точку зрения, а попытку концептуального "выворачивания" всей России через себя» [Там же, с. 162], что, на наш взгляд, особо подтверждается изображением судьбоносных событий, в частности военной истории Крыма. Однако

после «Севастопольских рассказов» (1855) Л.Н. Толстого и романа-эпопеи С.Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» (1937–1939) в советской и постсоветской литературе не появилось равнозначного произведения о Первой обороне Севастополя 1854–1856 гг. Литературная лакуна была восполнена историческими трудами и историко-биографическими изданиями. Так, благодаря работе сотрудников Севастопольского военно-исторического музея-заповедника были опубликованы «Документы Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.: из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника: каталог» (2019), появились труды С.В. Ченныка «Крымская война» (2016), протоиерея Г. Полякова и В. Шавшина «За веру, царя и отечество: Свято-Никольский храм-памятник. Братское кладбище. Крымская (Восточная) война» (2013) и др.

Вместе с тем тема Крымской войны и обороны Севастополя была востребована в русской литературе, особенно в первые десятилетия после их окончания. Писателям не просто необходимо было осмыслить недавние события, тем более закончившиеся отходом русской армии, но и извлечь уроки из этих событий. Кроме того, именно героическая оборона Севастополя показала в полной мере нравственную основу происшедшего в 1854–1856 гг., силу и мощь духа русского солдата, а также простого севастопольца, отстаивающего город. Это стало основой нравственного воспитания подрастающего поколения и просвещения демократических слоев общества. Особую роль в просветительстве заняла детская и подростковая литература, в том

числе освещающая события Первой Севастопольской обороны: «Покойный Иван Иванович Иванов. Рассказ из Крымской войны» (конец 1860-х – начало 1870-х гг.), «Старики. Рассказ из Крымской войны» (1871) А. Погоцкого, «Рассказ дедушки Максима о Севастопольской обороне во время Крымской войны» (1904) О.Е. Накко, «Рассказы старушки об осаде Севастополя» (1881) Т. Тольчевой и др.

Возрастная и социальная специфика читателя обусловила нарративную стратегию: предпочтение отдавалось малым и средним жанрам, яркому событию, избирательности в портретных, поведенческих, пейзажных деталях, фокусированию на характерах, акценту на непафосном героизме как следовании толстовскому изображению защитников Севастополя, минимизации историко-философских, политических отступлений и документальных вставок, в целом реалистичности изображения войны и сниженному уровню мифологизации, открытой эмотивности автора по отношению к положительным персонажам. Направленная на мировосприятие подростка и демократического взрослого читателя авторская суггестия реализовалась, как правило, не столько через военную аналитику, сколько через рецепцию персонажей. Так закреплялась «модель детского чтения» [11, с. 9], перечисленные черты придавали тексту игровую специфику – читатель ощущал себя внутри повествовательного пространства.

Показательна ныне забытая проза детского писателя, педагога, издателя популярного «Журнала для детей» М.Б. Чистякова (1809–1885). В его рассказе «Русская душа» (1870) повествуется о Крымской войне и Севастопольской обороне 1854–1856 гг.

Произведение создано в жанре прозаического рассказо-узнавания. Приключенческий динамичный сюжет придает тексту черты новеллы. Дидактизм, подробности военных действий и батальная терминология, географические подробности минимизированы, автор сосредоточен на изображении внутреннего мира героев.

Заглавие, получившее в повествовании семантически сильную позицию, указывает на национальную типологию, как ее понимает читательская аудитория и как она сложилась в «субкультуре, к которой <...> принадлежит» [5, с. 303] автор, а также в аксиологии автора как субъекта. По сути, Чистяков сфокусирован на роли человеческого фактора в военной истории страны, высветив цивилизационную роль простого русского солдата. Заметим, что в грозные годы XX в. понятие «русская душа» побуждало к полемике; можно обратиться к статье «Две души» (1915) М. Горького, предпочитавшего западную душу русской, или к «Русской и польской душе» (<1916>) Н.А. Бердяева – о распре славянских душ, или к работе Вяч. Иванова «Два лада русской души» (1916) – о «падении человека» и «вершинах духовности» [4, с. 373] и т.д.

Написанную за несколько десятилетий до упомянутых текстов «Русскую душу» Чистякова следует рассматривать как противоположную им по ряду позиций. Автор изобразил цельный характер, согласие опыта простонародной жизни, разума, души, веры человека из низов. Вместе с тем произведение Чистякова во многом отвечало духовным и политическим запросам гуманистов XIX в. Писатель посвятил рассказ событиям Крымской войны, но боль-

шое место отвел вопросу о роли нравственности рядового человека, оказавшегося в ее эпицентре. В труде Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1868) говорится о влиянии на русскую военную историю «нравственного оружия», «нравственной силы» [3, с. 468], о преобладании нравственного духа русских над «шведами, пруссаками или французами» [Там же, с. 456]. Автор рассказа размышлял о роли нравственного начала – его достаточности или недостаточности в условиях войны.

Изображение национального характера построено на сопоставлении русского человека, фактически народного праведника, и француза – участников боевых действий. Описание русского и европейского менталитетов основано на антитезе и параллелизме. В сопоставительном описании использовано достаточно много для жанра рассказа мизансцен и лаконичных авторских комментариев к ним. Через череду событий раскрывается моральная максима: заложенная в человеке доброта преобладает над агрессией, порожденной войной наций.

Начинается повествование с описания реакции парижской толпы на объявление начала войны с Россией. Праздная публика кафе-шантана, патриотические пьесы 1854 г., прославление французского оружия, восхищение храбростью французов и благородством турок, презрение к русским – «врагам общеевропейского спокойствия» [12, с. 378] и просвещения, разговоры о вытеснении русских за Урал и далее к океану, издевательские карикатуры, мечты заувов пожить в российском богатством, заполучить офицерское звание и орден почетного легиона – все

это противопоставлено настроению в небольшой российской деревне, скромно отмечающей праздник накануне известий о Крымской войне. Связанные с предстоящей войной тревогой мужиков и баб отмечены православием и естественным патриотизмом. По сути, Чистяков разворачивает антитезу между страстями толпы (парижан) и чаяниями народа (русских крестьян). Деревенские люди уповают на Господа, готовы пойти на врага «поголовно» [12, с. 381], обращаются друг к другу «братец», в храме совершают общую молитву, направляются в ближайший город, не дожидаясь своей мобилизации. Если парижские зуавы воспринимают военное вторжение в Крым как краткосрочное и победное приключение, то в наказе старика Ерофея звучит тема чести и смерти: «...не щади ты своего живота, не бойся ты смерти, служи ты <...> верой и правдой» [Там же, с. 390] Если французы не считают нужным сообщать семье о военном походе, то в России о войне переживают семьями. Ерофей находит в Петербурге сына-солдата, добивается разрешения сопровождать его на фронт, участвует в молебствии в Казанском соборе, где вместе с народом взирает на государя, который в роковое время всем представляется «ангелом Божиим» [Там же, с. 385].

Через перечисление деталей изображается «странная и ужасная картина» [Там же, с. 391] военного Крыма: трупы своих и врагов, рукопашные схватки, грохот пушек, французы грабят и поджигают храм, дома и проч. Поведенческие детали, приведенные Чистяковым, сближают его взгляд на народный характер с представлениями автора «Севастопольских рассказов» (1855) и «Войны

и мира» (1863–1869) о ценностях простого русского человека на войне. Чистяков вводит в повествование сказовый стиль, через фольклорную поэтику передается чувство принадлежности человека к национальному миру: «<...> на нашу православную Русь. На нашего батюшку-государя собралась всякая нечисть нехристианская да идет войной; вишь, видимо, невидимо, так и валит, и туретчина там какая-то, и неметчина, и англичане, и французы, и невесть кто <...> счастью нашему нехристи завидуют, хотят нас полонить, да мы не дадимся. Вставай, русская земля, иди, кто может» [Там же, с. 380]. Широкое использование устного народного слова приближает произведение к жанру просветительского солдатского рассказа.

Главное действующее лицо – солдат-крестьянин Иван, сын Ерофея. Сквозная сюжетная линия – его отношения с французом-зуавом. Отметим, что подразделения зуавов, ранее состоявшие из иностранцев, с 1841 г. комплектовались французами-католиками. Форма алжирских янычар была символичной отсылкой к покорению Францией Алжира. Участие зуавов в Крымской войне стало легендарным, хотя и сопровождалось грабительскими набегами на русские деревни [8], что описано и в рассказе Чистякова. Отсутствие имени у зуава символично, в его безымянности выражена тема чужого, незваного, для русского человека он априори знак безликой массы. Символичность образа Ивана получила принципиально иной смысл – православный и национальный. Во-первых, имя дано герою соответственно христианской традиции: он был рожден перед днем памяти Иоанна Крестителя.

Во-вторых, у земляков Иван не ассоциировался с фамилией, в полку его пришлось идентифицировать по отцу – Ерофеев; офицер говорит Ерофею: «...у нас Иванов-то видимо-невидимо» [12, с. 386].

Характеристикой Ивана, Ерофея, их жен, односельчан могут послужить слова Н.А. Бердяева: «В типичной русской душе есть много простоты, прямоты и бесхитростности, ей чужда всякая аффектация, всякий взвинченный пафос <...> В ней есть какой-то особый, совсем не западный демократизм на религиозной почве, жажда спасения всем народом» [2, с. 155]. Но Чистяков не изображает в своих крестьянах, солдатах того, что Бердяев называет душой «легко опускающейся и грешащей» [Там же]. Тема рассказа – сила добра. Мать Ивана ухаживает за больным тифом, заражается и умирает. Мирская мораль звучит в словах Ерофея: «Ежели мы будем бросать друг друга в болезни, <...> то тогда не для чего нам жить вместе» [Там же, с. 403]. Крестьяне «с радушием» [Там же, с. 399] и жалостью относятся к партии пленных врагов, дают им бесплатный приют, еду, выказывают уважение к верованию магометан. С русскими пленными турки и англичане, напротив, обращались «весьма дурно», тогда как французы – «большей частью весьма хорошо», но в их «сожалении» [Там же, с. 400] больше не столько участия, сколько любопытства, обращенного к варварам. Парижанам непонятно чувство русских пленных, вызванное трофеями французов – русской пушкой, православной иконой и проч. Русская душа воспринимает их как часть родины, захваченной в плен.

История знакомства Ивана и зуава начинается с эпизода спасения фран-

цузом женщины и ребенка из горящего дома. В рассказе постепенно меняется повествовательная цель: от антитезы к параллелизму – к изображению потребности творить благо. Иван, свидетель доблестного поступка зуава, видит во враге «доброе человека» [Там же, с. 393]. После боя Иван спасает, выхаживает зуава, делится с ним последним, и зуав, в свою очередь, называет его «хорошо русь» [Там же, с. 394]. Радушная нежданная встреча пленного Ивана с зуавом в парижском Инвалидном доме, трогательно прощание после заключения мира. Их отношения развиваются по народной поговорке «доброе братство лучше богатства» или «за добро добром и платят». Ключевые события рассказа представляют собой случайные встречи героев, во время которых милосердие перерастает в душевное братство.

В сюжетном повторе непреднамеренных встреч выражена авторская мысль о Божьем промысле, но вместе с тем Чистяков акцентирует читательское внимание на креативности человека из народа, его воле к обустройству земного бытия. Герои Чистякова следуют естественной потребности по-доброму обустроить свой и чужой миры, в их жизни нет ничего хаотично-языческого. Иван выходит в отставку, вместе с отцом открывает постоянный двор, честно торгует; наконец он познает счастье, женившись на работающей, грамотной, аккуратной сироте.

В рассказе воля личности согласуется с волей высшей, что особенно проявляется в финальной истории, нарушающей принцип нарративного параллелизма. Иван спасает от холода нищих бродяжек – брата и сестру, на мальчике он видит свой нательный

крест, подаренный зуаву при расставании. С одной стороны, он понимает встречу с детьми зуава как высший промысел: «что за удивительная судьба» [2, с. 404], а с другой – без раздумий берет их под свою опеку, дает им пропитание, образование и проч. Сюжет венчается еще одним чудом – встречей с самим зуавом, который, как выясняется, отправил детей в Россию ради их спасения от нужды: «...много наших бедных находят русский хлеб» [Там же, с. 411], а теперь в качестве берейтора здесь же зарабатывает уроками верховой езды. Французская семья расстается с русской, как «любящие друг друга родные» [Там же, с. 413].

Итак, в солдатском рассказе М.Б. Чистякова жанровая просветительская доминанта синтезирована с поучением о высокой репутации народа. Как писатель, адресовавший свою прозу демократическим

слоям населения, он создал образы скромных праведников, не прибегая ни к уничижительному критицизму по отношению к сословиям, ни к герою, погруженному в моральные крайности, противоречивые глубины собственной души. Чистяков, в 1870 г. изобразив героя 1850-х годов, актуализировал вопрос о национальной идентичности, к которому русские гуманитарии обратятся через три десятка лет. Аксиологична мысль Чистякова о народе – выразителе национального менталитета. Кроме того, в рассказе – при частотности противопоставления этносов – выражена идея универсальных ценностей человека России и Запада, тогда как общество отчасти увлекалось «европейничаньем», в 1868 г., то есть за два года до появления рассказа, названном Н.Я. Данилевским «болезнью русской жизни» [3, с. 263].

#### Библиографический список

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1 М., 2003.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
4. Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994.
5. Иванченко Г.В., Орлицкий Ю.Б., Сухова Т.Б. О психологических функциях заглавия // Поэзия: опыт междисциплинарного анализа / под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева, Б. Орлицкого. М., 2015. С. 238–325.
6. Каменец А.В., Молина Л.В., Орлова Н.Г. Духовно-нравственный и просветительский аспекты в русской художественной литературе XIX века // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 3А. С. 192–204.
7. Люсьи А.П. Крымский текст русской литературы: история и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 11 (750). С. 161–171.
8. Орехов В.В. Французская армия у стен Севастополя: 1854–1856 гг. Симферополь, 2003.
9. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках. М., 1972.
10. Уманцева Л.В. Нравственность и духовность в русской литературе (способы репрезентации). Тамбов, 2017.
11. Черняк М.А. Детское чтение в социокультурном контексте // Детское чтение: проблемы рецепции и интерпретации: монография / отв. ред. В.Д. Черняк, М.А. Черняк. СПб., 2020. С. 8–18.
12. Чистяков М.Б. Зима. Новые повести и рассказы, преимущественно из русского быта. СПб., 1870.

## References

1. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy: v 7 t. [Works in 7 vols.]*. Vol. 1. Moscow, 2003.
2. Berdyaev N.A. *Sudba Rossii [The fate of Russia]*. Moscow, 1990.
3. Danilevsky N.Ya. *Rossiya i Evropa [Russia and Europe]*. Moscow, 1991.
4. Ivanov Vyacheslav. *Rodnoe i vselenskoe [Native and universal]*. Moscow, 1994.
5. Ivanchenko G.V., Orlicky Yu.B., Suhova T.B. On the psychological functions of the title. *Poeziya: opyt mezhdisciplinarnogo analiza*. G.V. Ivanchenko, D.A. Leontyev, B. Orlicky (ed.). Moscow, 2015. Pp. 238–325. (In Rus.)
6. Kamenec A.V., Molina L.V., Orlova N.G. Spiritual, moral and educational aspects in Russian fiction of the XIX century. *Culture and civilization*. 2020. Vol. 10. No. 3A. Pp. 192–204. (In Rus.)
7. Lyusyj A.P. Crimean text of Russian literature: History and modernity. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2016. No. 11 (750). Pp. 161–171. (In Rus.)
8. Orekhov V.V. *Francuzskaya armiya u sten Sevastopolya: 1854–1856 gg. [The French army at the walls of Sevastopol: 1854–1856]*. Simferopol, 2003.
9. Skaftymov A.P. *Nravstvennye iskaniya russkih pisatelej. Stati i issledovaniya o russkih klassikah [Moral quests of Russian writers. Articles and research on Russian classics]*. Moscow, 1972.
10. Umanceva L.V. *Nravstvennost i duhovnost v russkoj literature (sposoby reprezentacii) [Morality and spirituality in Russian literature (methods of representation)]*. Tambov, 2017.
11. Chernyak M.A. Children's reading in a socio-cultural context. *Detskoe chtenie: problemy retseptsii i interpretatsii: monografiya*. V.D. Chernyak, M.A. Chernyak (eds.). St. Petersburg, 2020. Pp. 8–18. (In Rus.)
12. Chistyakov M.B. *Zima. Novye povesti i rasskazy, preimushchestvenno iz russkogo byta [Winter. New stories and tales, mainly from Russian life]*. St. Petersburg, 1870.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024, принята к публикации 11.11.2024

The article was received on 10.10.2024, accepted for publication 11.11.2024

## Сведения об авторе / About the author

**Октябрьская-Кисничан Анастасия Игоревна** – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

**Anastasiya I. Oktyabrskaya-Kisnichan** – PhD postgraduate student at the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

E-mail: nastya-okt@mail.ru